

The background of the entire image is a deep space scene. In the upper right, a large, pale blue planet with some darker spots is visible. To its left is a smaller, grey, cratered moon. In the upper left, a spaceship with two bright orange engines is flying towards the left. The sky is filled with numerous stars of varying brightness. In the lower half of the image, a large, complex space station or orbital platform is shown, partially obscured by a thick layer of white and yellow clouds. Below the clouds, the dark blue surface of the Earth is visible. The overall lighting is a mix of the cool blues of space and the warm oranges and yellows of the clouds and ship engines.

Александр Ясинский

Будущее
как
эпизоды

Александр Сергеевич Ясинский

Будущее, как эпизоды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23575909

Аннотация

Незадачливый абориген вынужден покинуть родные леса, чтобы отправиться в неведомый мир людей. Мир, где всемогущая Галактическая Империя соседствует с ордами безжалостных корсаров, блеск с нищетой, любовь с предательством, а моря вселенной бороздят звездолёты на паровой тяге. Космический стим-панк.

1 Начало.

Опалив верхушки деревьев, он ниспал, породив ударную волну и багряный туман, земля содрогнулась, несколько сотен моментальных смертей, маленьких и ничтожных остались незамеченными дремавшим в то утро под шум дождя извечным лесом, как первая раковая клетка.

Из своей уютной земляной норы человекоподобная самка видела, как заживо сгорел её самец, тонко и пронзительно заверещала в ужасе, затем и до неё дотянулся багровый язык, приветливо и обжигаяще лизнул, и она затихла.

Она была изранена, покалечена, но выжила.

Глубоко во чреве едва теплился огонёк новой жизни, но и он не погас, хотя для сонмов живущих по обеим сторонам Великой Пустоты, было бы лучше, случись обратное. Очнувшись, с широко распахнутыми глазами, в которых с тех пор застыла тьма, она с трудом подтягиваясь на кровотокающих культях поползла прочь от того места, где дождевые струи стучали по инородному металлу.

2 По ту сторону Пустоты.

Всё осталось позади: родное селенье, уютные норы в склонах холмов, покосившиеся идолы предков, выгребные ямы с копошащимися в них безымянными, и подземный грот с орущими и улюлюкающими земляками, когда из-за поднятой решётки показалась уже *его* амфибия, подслеповато жмурившая россыпь глаз в желтом свете факелов. Когтистые лапы зашлепали по грязи, вздымая брызги, когда она вне-

запно ринулась на середину огражденной плетенкой арены, а после, развернувшись, задрала шишковатую морду и издала протяжный злобный рык, слюна текла по чёрным загнутым клыкам.

И хоть был тот зверь ему ниже пояса, он бежал тогда, бросив всё: ритуальный костяной нож, признание, честь и гордость, будущее, наконец. Не выдержав Испытания Совершеннолетия, не обрета индивидуальность в очах соплеменников, не получив даже имени, а так – презрительную кличку «деринг», что значит «трус», и град насмешек в лицо и град черепков и плевков в спину, и невозможность называться воином и членом общины и отказ в девичьей ласки. Навсегда. Бежал, не вынеся стыда и унижения и не желая присоединяться к массе безымянных, бросив всё..

Как оказалось, действительно всё, ибо когда, тайком укрывшись в затхлом брюхе небесного торговца, он, наконец, вновь увидел свет, то был тот свет – другого мира.

Большой Мир обжёг его миллиардами огней, оглушил миллионами шумов, звуками незнакомых речей, мешаниной непривычных запахов, поразил нескончаемыми чудесами, какие не снились всем шаманам округи. Слабый разум силился, но не находил рационального объяснения... Какие-то руки, трогавшие и ощупавшие его, но это было гадко и неприятно и он сбежал. Впрочем, ему было не привыкать, и он продолжал бежать, сколько мог, изо всех сил, юлил и плутал. Жизнь с оглядкой. Привычные помойки, где он жил,

постоянно дрожа от холода и страха за свою шкуру, питался странно пахнувшими объедками, болел и украдкой наблюдал, как вдалеке с грохотом в облаках пара устремляются ввысь блестящие башни.

Но он снова выжил, и, возможно, что-то помогло ему быстрее адаптироваться, не сойти с ума и не захиреть, а обитатели свалок научили языку, что же касается обычаев, то здесь они были такие же, как и дома – сильнейший ел лучшее, его уважали, перед ним пресмыкались.

Кинс, Король помойки, устроил его убираться в космопорту, с тем, чтоб отбирать разноцветные кружочки, регулярно получаемые им сверх питья и жратвы в пластиковом контейнере. Позже он прознал про их скрытую магию и власть в Большом Мире и стал утаивать часть по мере возможности, за что был неоднократно колочен Кинсом.

Конечно, он трудился не на самих площадках, где всё делали движущиеся, но неживые создания – так называемые «машины», являвшиеся, по сути, громыхающими фургонами на колесах, заглатывающие пыль и мусор и, вместо съеденного, извергавшие воду. Куда им было забраться внутрь башен-кораблей, в хитросплетении каморок и узких переходов, кают и палуб, где всё происходило отчасти понятным ему образом.

Ещё были рабочие лазящие внутри и снаружи башен, постоянно что-то подкручивающие, постукивающие по матовым корпусам, и те, кто подбирал куски руды, свалившиеся

с открытых платформ, которые доставляли к кораблям по рельсам чихающие паровозы. Но для первой работы, как сказал Кинс, у Деринга не доставало мозгов, а на второй долго не протягивали, а он, Кинс, не для того вкладывал в Деринга, подмазывая кого нужно, чтобы вот так бездарно лишиться своих инвестиций. Деринг лишь пожимал плечами, он был на всё согласен.

Часто, во сне иль наяву, перед его внутренним взором проплывали такие знакомые и одновременно щемящие недоступные картины: лица родичей, места детства; вот выросшее колючим бурьяном старое капище с покосившимися алтарными пнями, а вон катит мутные воды озеро Коварства, весело журчит лесной ручей, призывный смех резвящихся в нём девушек, их податливые упругие тела под мокрой шерсткой, готовые отдаться за право с гордостью носить частичку имени мужчины-хозяина, мужчины-воина, мужчины-героя. Мужчины... и склизкая тёмная туша амфибии, эти зубища, ядовитые бородавки, отвращение, сковывающий страх, разлетевшийся на осколки импульсом к бегству, бесконечное презрение, стыд. Трус! Смех. Страх и смех...нет!

Это был такой же день, как и все другие, ничем не лучше и не хуже, когда, как обычно, толкая тележку со щётками да всевозможными склянками, вместе с другими он собрался было уже покинуть тесное нутро очередного корабля, его окликнул и поманил следом незнакомый человек, в форме

медицинской службы космопорта.

Повинуясь, он вернулся, потом вместе они поднялись в овальный зал с несколькими рядами кресел, одно из которых было занято. Здесь ему ещё бывать не приходилось.

– Задержись тут, Деринг, – сказал врач, – только не сходи с места и ни к чему не прикасайся, – а сам вышел.

Вяло потекло время ожидания, он послушно переминался с ноги на ногу, незнакомец, сидящий спиной никак не реагировал, может, спал, а может не питал интереса к происшедшему сзади.

Наконец, врач вернулся в сопровождении пожилого мужчины в застёгнуто наглухо мундире со стоящим воротником, посеребренными позументами и аксельбантом, капитана корабля. До Деринга ещё успел долететь обрывок фразы:

– ...то, что нужно: первоклассное качество, ваш любимый цвет, да и не забудьте – только наличные.

Капитан носил аккуратную бородку с проседью, волосы зачёсывал назад, был он невысокого роста, весь какой-то невзрачный – просто дополнение к мундиру, со впалыми щеками и болезненным цветом кожи, один глаз его отсутствовал, другой же, налитый кровью и слезящийся, цепко уставился на замершего Деринга.

– Эй, как там тебя, что у меня в руке?

Между большим и указательным пальцами блеснула монета.

– Так, хорошо, – взволновано продолжал он, когда Деринг

ответил, – А что там изображено? Герб, рисунок какой на ней? Опиши мне его и закрой один глаз, потом другой.

Когда нелепое с точки зрения Дернга действие повторилось дважды, и он подробно рассказал про все линии и завитушки, а капитан остался, по-видимому, доволен результатом, они отошли в коридор и о чём-то посовещались с врачом. Потом тот, спрятав полученный конверт, и подмигнув напоследок Дернгу, удалился, капитан же подошёл к переговорному устройству на стене, и, сняв трубку, быстро заговорил туда.

– Ммм, я могу идти? – помявшись, спросил Дернг, в животе урчало.

– Конечно, голубчик, можешь, только сначала присядь в кресло, – отчего-то взволновано зачастил капитан.

– Не смей, болван! – оживился вдруг сидевший спиной человек и даже попытался выкрутить шею под невообразимым углом, но было уже поздно – выскочившие стальные захваты надёжно обхватили запястья, щиколотки и грудь отчаянно взвизгнувшего Дернга.

Приблизившись, капитан наотмашь ударил закричавшего кулаком в лицо.

– А ты молчи, дерьмо!

– Что касается тебя, – продолжил он, склонившись вплотную к Дернгу, потирая отбитые костяшки, – помни, что я пощадил твою паршивую никчёмную жизнь. Ведь я бы мог доставить на Аркут, куда мы сейчас направляемся, одну

лишь только твою замороженную голову, и всех хлопот-то! Но я не убийца, не изувер какой, из-за одного органа не первой важности лишать драгоценной жизни живое существо. А они очень нужны мне твои глаза, понимаешь? Ибо нету у меня достаточно средств на лицензионные имплантаты, а без них я в ближайшем времени – безработный, нищий, калека, которому уготована голодная смерть в обосраной подворотне. Прости... Это всё судьба и космическая болезнь, над которыми мы пока не властны...

Круто развернувшись, он вышел вскоре раздался гул, это в утробе корабля заходили гигантские поршни, завращались маховики и маятники, помещение начало мелко дрожать. Деринг был слишком ошеломлён, подавлен и испуган, чтобы осмыслить происходившее, стальные путы не давали даже сжаться в спасительный комочек.

– Да, нелёгкая занесла тебя на «ликвидатор», – сплёвывая кровь, вновь подал хриплый голос первый узник. – Но поскольку мы теперь, что-то вроде товарищей по несчастью, разреши представиться – Мик, – и он вновь сплюнул.

Деринг промолчал, его охватывало чувство глубокой безнадёжности, страха и одиночества. Он чётко ощущал собственную беспомощность, один-одинёшенек во всём мире, песчинка, заброшенная невесть куда, точка в зубастой мгле.

– Сей корабль создан для показательной казни государственных и иных преступников, самое дорогостоящее и умопомрачительное представление во вселенной. Видишь, те ка-

меры по периметру? Они тут повсюду. Когда стихнут стартовые двигатели, и мы выйдем в межпланетное пространство, сюда войдёт парочка здоровяков, и потащат очередного счастливчика в «колодезь очищения». Регулируя задвижку, туда направляют струю из сопла маршевого двигателя, сгорание может длиться доли секунды, а может и весь час, всё зависит от воли заказчика сценария и искусства палача-исполнителя. Безумно дорогое, щекочущее нервы и, может быть, отвратное для кого-то зрелище, но, тем не менее, передача с успехом транслируется на добрую дюжину обитаемых миров. Этаким высокорентабельный коммерческий канал, эх, сколько раз я был всего лишь безвольным зрителем в потной майке, с бутылкой пива в руке! Но теперь, я – демиург, творец шоу, причина и эпицентр создаваемой реальности! Впрочем, сначала мы достигнем Аркута, забрать остальных везунчиков. А затем я стану звездой линзовизоров, мой скорбный, но несломленный лик узрят миллионы по всей галактике! Если только не тронусь к тому времени, Знаешь ли, я давно жду этого события. Впрочем ты, ха-ха, вот умора, этого *не увидишь!*

Всё– таки ухитрившись вывернуть шею, Микаэль покопился на Деринга – тот был в отключке.

– Что ж, и кэпа можно понять, – в полголоса продолжал Микаэль, ни к кому конкретно не обращаясь. – Бедняга стоит за штурвалом так давно, что космос выжег его гляделки, обычный бич космоплавателей.

Игла, спрятанная в подлокотнике кресла, впрыснула питательный раствор, а испражнения приняло зарешеченное отверстие в полу, и большей частью – служебный комбинезон. Насчёт удобства узников здесь никто в лепёшку разбиваться не собирался.

Полёт продолжался.

Пробудил Деринга шум борьбы, гвалт, доносившийся сквозь сон и переборки. Неясные вопли, скрежет по металлу, топот. Затем вроде всё стихло. А спустя некоторое время ударила сила торможения, впечатав под дых немилосердно, внезапно, зло, корабль остановился.

Они предстали перед изумлённым взором Деринга этакой живописной толпой. Первым осторожно бочком протиснулся по узкому для него проходу механический краб, разогнул длинные сочленённые конечности и разом стал вдвое выше, возносясь над головами потрясённых пленников, грозно повёл спаренными ружейными стволами. Невысокий крепыш, чья вылинявшая, но чистая и аккуратно выглаженная некогда бордовая форма ещё носила следы постыдно споротых нашивок; за ним – высокая стройная девица, затянутая в кожу цвета меланита, опоясанная мужским ремнём с парными пистолетами в кобурах, следом завалилось ещё некоторое количество головорезов, вооружённых разнообразными орудиями смерти.

«Только б не убили!», – взмолился Деринг в глубине души не понятно кому. – «Я хочу жить и выбраться из этого

ужаса!».

– Так.. И этих туда же, – взглянув мельком, распорядился бывший полковник Колониального Флота Маррук Арбишали, едва удостоив презрительным взглядом Микаэля и Деринга.

Робот потянулся клешнёй, Деринг взвизгнул.

« Жить! О сраный Большой Мир, сделай же что-нибудь! »

Их освободили и, не церемонясь, потащили по коридорам на нижнюю палубу, где тут и там в лужах крови валялись тела бывшей команды ликвидатора. Вновь прибывшие методично подхватывали трупы за ноги и волокли в одном направлении.

– Эй! – закричал Мик, оглядываясь на невозмутимо шагавшего следом Маррука. – Подождите! Пощадите! Мы не с ними, мы всецело на вашей стороне и можем послужить, правда, как там тебя, Деринг, да?

Деринг лишь невнятно промычал, его тошнило от запаха и вида крови, и ужаса, но желудок был давно пуст, только горечь наполняла рот и просачиваясь сквозь зубы, стекала за ворот.

– Послушайте! – надрывался Мик. – Я тоже умею убивать! А этот, этот сейчас вам всё здесь быстренько приберёт, оглянуться не успеете, сиять будет, он в этот профи. Да подождите же!!!

– Вот ещё! – наконец хмыкнул полковник. – Своего сомнительного отребья хватает! Будто я не смотрю линзовизор

и не знаю, каких пассажиров возят на ликвидаторе. Прощайте, отбросы общества, скатертью дорожка, проваливайтесь на здоровье!

Их спустили в спасательную капсулу, следом полетели трупы. Деринг уже давно ничего не мог соображать и лишь трясся в углу, обхватив худые колени побелевшими пальцами.

– Отбросы общества?! – разъярился Мик, поняв, что терять нечего. – Вот значит как? А сами-то подонки, чего творите, а?

На благородное, вспаханное морщинами невзгод чело полковника опустилась неподдельная скорбь.

– К сожалению, сие было необходимо. Неизбежные боевые потери, так сказать. Слишком велик риск – один украдкой посланный сигнал или неожиданный манёвр и всё – пиши пропало. Тогда жертв могло оказаться значительно больше, человеколюбивый ты мой.

Зажурчала, набираясь, амортизационная жидкость, Мик схватил висевший на стенном крюке респиратор, другой бросил Дерингу.

– Вот ведь сволочь! Он обрекает нас на мучительную смерть. Уж лучше бы сразу убил.

– Я ведь не убийца, – откуда-то сверху напомнил Арбишали.

– Где-то я уже это слышал... – наконец, смог выдавить Деринг.

– Впрочем, если ты настаиваешь... – и в капсулу опустилась клешня робота.

– Не надо!!! – в один голос возопили несчастные.

Меж тем, манипулятор, вызвав неподдельный переполох, уже скрылся, унося выдранный с потрохами штурвал.

– Ставлю десять к одному, что им крышка!

– А чего тут спорить, – отвечал чей-то скучающий голос, потом люк закрылся.

3 На диких пограничных мирах.

Приземление было ужасным.

Капсулу щедро размазало по поверхности планетоида, как масло по бутерброду.

Широко раскинув руки, словно для прощальных объятий, к Дерингу подплыл труп одноглазого капитана, барахтаясь в вязкой массе, Деринг отпрянул и неуклюже поплыл прочь.

Капсула не подлежала восстановлению. Из широких пробоин вытекала мутным потоком амортизационная жидкость, сыпала, будучи б довольно изысканными в другой обстановке искрами, соприкасаясь с пламенем, и быстро испарялась на воздухе.

Проворно выбравшись из-под обломков, товарищи по несчастью отбежали на безопасное расстояние. Однако красочного взрыва так и не последовало.

– Ну вот, – сказал Мик, когда на респираторе замигала зелёная лампочка, – по крайней мере, смерть от удушья нам не грозит, хотя, ежели верить моему армейскому опыту, аэро-

генерирующие бактерии продержали бы нас пару месяцев. Или с полгода точно, если одного. Это как карта ляжет. Вопрос о еде и питье остаётся открытым.

Миаэль приказал Дерингу стащить тела в кучу, затем собрать всё, что могло потенциально пригодиться незадачливым космоплавателям, а после и вообще начал чудить: из кусков арматуры при помощи проволоки он соорудил крест, который и воткнул в грудь дымящихся останков.

– Это ещё зачем? – удивился Деринг.

– Обычай такой был, – задумчиво и как-то хмуро, словно вспомнив о чём-то своём далёком, пояснил Мик. – Уже и не помню, что обозначал конкретно, но тем не менее...

Деринг втянул носом аппетитный аромат свежеприготовленного жаркого и сглотнул слюну. «Что ж, ты хотел вырезать мне глаза, а в итоге, я полакомлюсь твоей печенью», – подумал он. А вслух же молвил:

– Забавный предобеденный обряд, Мик.

Но тот как-то странно смерил его взглядом.

– Ну и идиотский у тебя юмор, крысёныш! – наконец выговорил он.

Деринг не понял значение сказанного, но благоразумно решил промолчать, оставалось лишь, тоскливо посапывая, вытягивать благоухание несостоявшегося пиршества и глотать слюны.

– А теперь – пошли, найдём что-нибудь – за двоих подытожил Мик, и, резко развернувшись, решительно зашагал

прочь.

Несчастный Деринг готов был разорваться между двумя перспективами, но страх лишиться единственного защитника на этой неведомой чужбине оказался сильнее, и, роняя слёзы досады, он засеменял вслед Микаэлю, спотыкаясь и постоянно оглядываясь.

Они карабкались по осыпающимся каменистым склонам, переходили вброд небольшие стремительные горные ручьи, наполненные сверхъестественной ледящей свежести. «Я выживу», – думал Деринг, – «пока он со мной, а я с ним. Ничего не случится плохого. Он нужен мне, а я – жизненно необходим ему. Это естественно. Выберемся. Нас заберут. Вот только нормальной еды бы, а то от этих ягод сплошные спазмы в кишечнике и расстройство одно».

– Хочешь, я расскажу тебе, как попал на ликвидатор? – говорил Мик во время таких бесчисленных переходов. – Случилось так, что я, как дурень, втюрился в одну девушку, не будучи по жизни обласкан духовной и физической любовью, страсть эту я пронёс через годы. Юноша из обеспеченной семьи, с прекрасным будущим и стабильным настоящим, мне не хватало всего лишь малости, но она... она ответила отказом, предложив взамен лишь, смешно сказать, уродливый суррогат, так называемую, дружбу. Видимо, из жалости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.